

A dramatic, painterly illustration of a battle scene. In the foreground, a large, dark, armored creature, possibly a dragon or a giant, is shown in profile, facing left. It has a long, pointed snout and is surrounded by smaller, spiky creatures. In the background, a bright, ethereal light emanates from a cloudy sky, illuminating the scene. The overall color palette is dominated by dark blues, greys, and browns, with a strong contrast against the bright light in the sky.

16+

Ольга Озерцова

Крик Дива

Ольга Озерцова

Крик Дива

«Автор»

2020

Озерцова О.

Крик Дива / О. Озерцова — «Автор», 2020

События происходят в XIII веке. Люди идут по дорогам, и среди них автор «Слова о погибели Русской земли», не менее таинственного, чем «Слово о полке Игореве», памятника. Что они найдут в конце пути? Любовь и жертвоприношение в древности переплетаются с событиями современной жизни... Эта история связана с романом «Талисман Шлимана» и серией «Третий Китеж». Ольга Озерцова — кандидат филологических наук, автор публикаций по древнерусской литературе, также романов «Талисман Шлимана» и других.

© Озерцова О., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Крик Дива	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ольга Озерцова

Крик Дива

Эта история связана с романом “Веснянка”, который также опубликован на Литрес

Глава 1. Крик Дива

(В лето 6748¹)

«Изведи меня на путь правый, жизнь приимешь»²

Ипатьевская летопись, о событиях XIII в.

«Кто мы? Что мы? Куда мы идем?»

Поль Гоген, XIX в.

«...збися Див, кличет верху древа – велит послушати земли незнаеме, Волзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, тьмутораканьский болван!»

Слово о полку Игореве, XII в.

«Велика скорбь и велика беда на всех человецех,» – прочитал я строки летописи.

«В лето 6748 было так жарко, что леса горели, и птицы умирали на лету и падали на землю... Везде дым и гарь, и люди не знали, куда брели».

Когда боль, это еще не так страшно. Страшно, когда не знаешь, куда идти.

Я поднял глаза и отложил книгу. Над рекой медленно и тихо закатывалось солнце. Красный шар появился над черным лесом. И свежий туман стелился и стелился над водой... Взгляд мой остановился на нем, и я заворуженно и бездумно следил за тем, как солнце исчезало. Какая-то чуткая тишина встала в лесу. Голоса туристов, шум поезда слышались теперь далеко-далеко. Казалось лесная жизнь, даже травы требовали соучастия в этой тишине. Человек должен был раствориться в ней. Я глубоко вздохнул и закрыл глаза. И вдруг над лесом возник крик. Он сначала был негромким, но каким-то отчетливым, потом оборвался.

Взметнулся снова. «Мои студенты сказали бы, что это Див», – я открыл глаза. Трава пошла волнами. Замерла.

И тогда он вострепнулся,

взлетел вверх и закричал.

Дикий, неистовый крик судьбы,

от него похолодели травы.

Но люди его не слышали,

только некоторые, как прозрение...

И криком кричала земля. И птицы падали замертво, потому что нечем было дышать.

Он поднялся и пошел, шел и шел. И хоть мир охватило безумие и смерть, и от едкого дыма он не мог не подумать, не почувствовать, но что-то было еще, что спасает.

А мальчику не хотелось больше идти, совсем не хотелось, лицо его жалобно сморщилось. Уткнуться бы в мягкий мох под елью. Дерево всегда тебя защитит, когда ничто уже не поможет, говорили в их деревне. Старик сказал, не надо сейчас вспоминать про деревню. Старик всё шел, он оказался очень крепким. Мальчик заметил, какой маленький кусок хлеба тот съел утром, протянув ему большой ломоть. Неужели он знал куда идти? Мальчику было страшно остаться опять одному.

– Господине, ты вправду научишь меня делать таких дивных зверушек из камня, как на храме? Разве еще будут строить храмы?

¹ В год 1240 (древнерусск.).

² «Выведи меня на истинный путь, жизнь примешь» (древнерусск.) В тексте Ипатьевской летописи/XV в./ «живот приимешь».

– Да, дитяtko, только какой я тебе господин? Мы сделаем с тобой зверюшку с цветком на хвосте, смешного и веселого.

Старик не знал, куда идти, но хотел, чтобы мальчик не догадался об этом. Вдруг он что-то заметил впереди.

– Подожди меня здесь, – мальчик не должен был это видеть. Старик осторожно выглянул из-за кустов. Деревня была почти вся сожжена. Не было заметно убитых, но жителей как будто тоже не было. Успели в чашу убежать или в полон увели? Зато в крайнем, разрушенном, но не до конца сгоревшем доме что-то осталось. Да тут хлеб есть, и репа.

– Господине, господине, беги скорей! – закричал с ужасом мальчик, прячась за кустом орешника.

– Скажи отроку, пусть не кричит, словно Див на дереве, небось вашу репу не отниму. – Высокий муж вышел к крайнему дому брошенной деревни. Коричневое корзно³, порванное по краям, крепилось на плече затейливой и красивой фибулой⁴, так что было непонятно, зачем она на таком потрепанном одеянии. У этого мужа были светлые глаза, а в них черный сгусток боли.

Давно мальчик так хорошо не ел. Его накормили не только репой и хлебом, но гость дал ему соли. Мальчик сразу уснул под большой разлапистой елью, и засыпая, слышал, как чудный муж в коричневом корзно с блестящей фибулой на плече и старик тихо говорили. Давно он так не спал. В его сне было тепло и муж в коричневом корзно. А потом:

Свист зверин встал...

Телеги кричат, как лебеди.

Всё дальше... Куда он уходит,

зачем он уходит, страшно мне, зачем он уходит?

А старик говорил высокому мужу

– Сказано было: «Море станет кровью. Как сгоревший свиток свернется небо». Что думаешь ты?

– Это нельзя пережить, это нельзя забыть.

Земля жжет ноги, травы слепнут, даже камни научатся кричать, а у меня на устах нет ни слова, ни крика. – ответил муж в коричневом корзно.

Старик покачал головой. Он всё время сдерживался при мальчике и теперь слова выходили из него, словно помимо воли.

– Разрушено всё на нашей земле, церкви божие, грады... Где дружины смелые, мастера дивные? А красота светлая? Черна земля костями посеяна.

От крайней разрушенной избы потянуло запахом гари.

Что нам делать, куда нам идти после гибели мира?

Среди пепла, во тьме... Где путь человеку?

Темный лес кругом шумел. Обросшие мхом ели медленно качали лапами. И вдруг

– Ты вздрогнул? Разве что-то еще нас может напугать?

Страстно и горько кричала птица над землей, погруженной во мрак. Старик испуганно посмотрел на мальчика, но тот крепко спал под пушистой елью.

– Свежо. Отдал бы я свой плащ мальчику, раз он верит, что надо куда-то идти... да только мне это корзно последнее, что дорого и что осталось.

– Ну, ты еще несешь с собой может быть и более ценное. – Старик указал на прикрепленный к поясу мужа мешочек с писалом и берестой.

– Вряд ли это мне еще пригодится. Так ты, мастер, знаешь, куда идти?

³ Корзно – плащ, богатая одежда (древнерусск.)

⁴ Фибула – застежка.

– Мальчонку я этого встретил, один он в их деревне остался. Дрожал-то как. Не осталось там ни стонущего, ни плачущего, ни отца о детях, ни детей о матери, все купно (вместе) лежали, едину чашу смертную испили.⁵ И только он один... и вдруг, увидев меня, узнал. И стал говорить про моего изукрашенного зверя. И я придумал ему тогда, что пойдём мы, найдём князя, ещё будут строить храмы и сделаем таких же новых. И пока я говорил, вижу в глазах у него уже будто не пепелище, и он моим словам-то верит. И с тех пор мы идем, по дороге вдаль, чрез поля и веси. И ты иди, прошу тебя.

Дорога дальняя через поля и веси.

– Разве могу я вернуться к тому, что было раньше?

– Прощу тебя. Я ведь знаю, что за чудный ты муж.

– Кто мы теперь, что мы, куда нам идти? Возьми старик для мальчонки, у меня вот тут рубаха есть тонкого сукна, соль и хлебец, хоть и засохший.

Поутру они распрощались и высокий муж в коричневом корзно долго стоял, смотря им вслед.

Целый день провел он на пепелище в том месте, где у деревни была пристань.

А вечером он тоже пошел.

И он шел.

Далекой и длинной дорогой. Идешь и идешь, и нету иного. Идти и идти.

И они пришли на высокий берег. Закат, туман, далекий лес. Смотрели долго на реку, а потом вдруг увидели меня. В тот странный жаркий день я поехал дописывать статью за город. И почему-то даже не удивился, встретившись случайно с моими студентами. Я пообещал им подняться к их костру, как только доделаю свой текст. Всё в этот день казалось особенным. Я сидел на берегу и попытался вновь вчитываться в летописные формулы. У них был простой, ясный и какой-то величественный слог: «но мы на прежнее возвратимся, на память горькую и бедную той весны» – и вдруг мне почудилось что-то общее между строками древнерусской летописи и чем-то еще, совсем близким к нам. Это было так неуловимо... Я всегда раньше любил это чувство: вчитываешься в древний текст иной, дальней эпохи и приходит забытая ясность, похожая на ясность прошедшей любви, только еще яснее. И боль, и радость давно живших людей встают передо мной, и мне будет понятна их жизнь, хоть так мало понятно в своей. Странное чувство. Иногда оно приходит, как наваждение. Их слова жгут, они как сгустки крови или несбывшихся надежд... Всё, что им не удалось, умершим под мечом, в плену, в огне...

Мы, с беспомощностью наших теорий и великим прозрением нашего поиска, когда старое забытое слово вдруг начинает оживать и мы в наших статьях, диссертациях, лекциях возвращаем его.

Я раздвинул траву, дотронулся до земли. Она была горячей.

«Леса горели так, что птицы задыхались от дыма и падали на землю, потому что не могли лететь. И люди уходили и не знали куда. О великая скорбь и великая беда на всех человецех. И текла кровь по земле, как река сильная, грех ради наших». Эта странная боль, это странное ощущение, будто я что-то должен людям, которые прожили и останутся в безмолвии (по Платону «немотствуя»). Нет, я скорее не должен, я вглядываюсь с той теплотой и нежностью, которую чувствуешь к ребенку или любимой женщине – были же там, тысячи лет назад и красота, и великие страсти, и боль – и всё это для нас в безмолвии?

И с той страстностью, с которой создается все великое, от пирамид до песен, я пытался понять...

⁵ Повесть о разорении Рязани Батыем. XIII в.

Вдруг прогремел гром. Пошел сильный ливень. Я поднялся к студентам под натянутую между четырех сосен пленку. Здесь было сухо. Горел костер. Меня усадили на почетный пенек, обросший мхом.

– Как учат нас летописи, Руси есть веселие пити.

Не думаю, что князь Владимир, высказывавший эту важную для нашей ментальности мысль, угощал свою дружину той адской смесью, что я так беспечно выпил. Впрочем, возможно у его воинов голова была крепче моей. Зато разговор у нас после этого стал очень оживленным. Узнав, что мы сидим на селище и у пристани XIII века, они заговорили о том, что прежде всего приходит на ум в их возрасте и в таком месте. О любви. И, между прочим, о любви в Древней Руси. У них даже возник спор, можем ли мы на самом деле понять, как они чувствовали в древности.

Глядя на речку, на храм, смутно различимый вдали на том берегу, я тоже сказал:

– Иногда и мне кажется, мы изучаем летописи, пишем статьи, «а можем ли мы, действительно, «их» услышать, как они чувствовали, любили?»

И ее нестерпимо яркие губы всё улыбались, его мутило от какой-то непонятной, бесконечной тоски. Будто и мокрые травы, и кусты, и всё это имеет какую-то звенящую, ослепительно чудную цель, и разгадка, разгадка всего этого вот в этих, этих губах. Жар наполнял тесную келью, вспыхнув заблистали тяжелые оклады икон... И когда он целовал эти пронзительные губы, то почувствовал освобожденье... Будто раздвинулись стены, и за ними широкая и бесконечная вольная дорога.

И с ней случилось что-то дивное.

Где ты теперь, Предслава?

Но он помнил. Среди пепелища, перед разрушенным храмом.

Он дотронулся до блестящей фибулы, она еле держалась на разорванном коричневом корзно. Ее подарок ему. Храм белел. Блестели купола, и отсюда из-за реки не было видно следов пожара. Лицо его заострилось, ноги кровоточили, но в глазах, устремленных на храм, было удивление. Казалось, он сам себе не верил. Он помнил не кровь, не смерть, а совсем другое.

– Да, в таком месте и в такой вечер чего только не начинает казаться.

– Смотрите, дождь размыл берег.

Дмитрий, невысокий, худой юноша, выбежал под ливень и стал что-то искать в потоке мутной воды, текущей по обрывистому берегу. Потом он вернулся под пленку и, вытираясь полотенцем, протянул мне черепок.

– Александр Владимирович, что это?

– Похоже на керамику XIII в.

Земля таит в себе следы пепла, боли, разбитую посуду, украшения. И «были мужи мудри и смыслени»⁶, а кругом лес и бор велик. Была жизнь.

– А здесь уже производились раскопки?

– Да. Знакомые археологи рассказывали мне, что селище и пристань разрушены тут в XIII веке.

И это их взволновало. Одно дело слушать в аудитории, другое – вот так сидеть у реки, запах костра, дождь шумит. И разговор пошел об этом месте, и о том, что часто приходит на ум, когда начинаешь изучать древнерусскую историю.

– Наверное, многое в прошлом похоже на нашу жизнь, – сказал Дмитрий.

«Да, – подумал я, – как у Борхеса, – история повторяется в вариантах и параллелях».

⁶ Повесть временных лет.

Дмитрий продолжал.

– Может, чтобы лучше понять современность, надо взглянуть на неё как бы издалека – например, из прошлого. Это ведь вроде того, как чтобы найти дорогу из чащи надо залезть на высокое дерево и оттуда увидеть, куда идти.

– И куда?

– Интересно. Вот вопрос. Глубже, чем «Что делать?» и «Кто виноват?»

– Они в древнерусских летописях и пытались найти на него ответ. Помните, как в «Повести временных лет» «Откуда пошла земля русская?». Удивительно, но по текстам чувствуется – их волновало то же, что и Гогена, который в XIX веке уехал на Таити, чтобы спросить «Кто мы? Что мы? Куда мы идем?»

– А ответ? Ответ они нашли?

– Кто знает. Ответ всегда неожиданен. Например, как эта оборванная, загадочная страничка XIII века, продолжение которой утеряно. Итальянский ученый XX века назвал её «солнечным гимном», а ведь сам автор – «Словом о погибели Русской земли».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.